

АРКАДИЙ СОСНОВ
С Б Ы В Ш И Е С Я
С Н Ы
НАТАЛЬИ
ПЕТРОВНЫ

ИЗ РАЗГОВОРОВ С АКАДЕМИКОМ

БЕХТЕРЕВОЙ

Аркадий Яковлевич Соснов Сбывшиеся сны Натальи Петровны. Из разговоров с академиком Бехтеревой

Серия «Диалог (Время)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70187635

*Сбывшиеся сны Натальи Петровны. Из разговоров с академиком
Бехтеревой / Аркадий Яковлевич Соснов: Время; Москва; 2023
ISBN 978-5-9691-2431-8*

Аннотация

Эта книга, в которой переплетены сны и реальность, посвящена жизни выдающегося ученого-нейрофизиолога академика Натальи Петровны Бехтеревой. Поразительно, что сны героини не только отражают события прошлого, но и служат проекцией будущего. Ее рассказ от первого лица о преодолении превратностей судьбы, о пути к главным научным открытиям, умело направляемый вопросами собеседника, достигает редкой, исповедальной откровенности. Перед нами автобиографичный, без прикрас, портрет поистине великой женщины.

Содержание

Вместо предисловия	6
Сбывшиеся сны Натальи Петровны	10
Зазеркалье. Четыре ее странных сна	10
О дедушке, жизни на Греческом проспекте и прозрении в 35 лет	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Аркадий Соснов

Сбывшиеся сны Натальи Петровны. Из разговоров с академиком Бехтеревой

Книга издана в рамках партнерской программы ТД «БММ» и издательства «ОМЕГА-Л»

Автор благодарит Д. В. Корчагова за партнерскую поддержку

Фотографии для книги любезно предоставили С. В. Медведев и Наталья Бехтерева-младшая из семейного архива, а также Международный фонд «Петербургская фотолетопись»

© А. Я. Соснов, 2023

© С. В. Медведев, послесловие, 2023

© «Время», 2023

Вместо предисловия

Внучка великого ученого-психиатра, скорее всего, поставившего роковой диагноз Сталину. Дочь врага народа, сирота, детдомовка, блокадница, сумевшая переломить судьбу и в недружелюбной среде выстроить блестящую карьеру, не ведая о новых испытаниях, ей уготованных: гибель близких, предательство приближенных. Выдающийся нейрофизиолог, единственная женщина – академик двух академий: большой, АН СССР, и Академии медицинских наук СССР, депутат Верховного Совета и народный депутат СССР, почетный гражданин Санкт-Петербурга. Создатель уникального Института, рискнувшая изучать не только живой мозг человека – сложнейший объект во Вселенной – методом ювелирно тонкого, точечного проникновения, но и загадочное Зазеркалье, что лежит за пределами материального мира. Отбивавшая атаки инквизиторов-критиков: «Это, конечно, *еще* не наука. Но и не лженаука. Так – бывает»¹.

Как же много может вместить одна жизнь, если ты – Бехтерева!

...По сравнению с ней я был прилежным школяром. Сотрудник молодежной газеты «Смена», которому повезло сделать интервью с самой Бехтеревой! Потом приехал к ней в

¹ Н. П. Бехтерева. Магия мозга и лабиринты жизни. – СПб.: Нотабене, 1999.

институт с нашим фотографом Сашей Николаевым. С замиранием сердца ждал, пока величественная дама, с глубоким мелодичным голосом, сидевшая за массивным столом, страницу за страницей читала машинописный текст, в котором я, интерпретируя ее слова, сравнивал происходящие в живом мозге изменения с процессами перестройки в обществе (1988 год на дворе!). Николаев методично делал снимки. Вдруг она подняла на меня глаза, с иронично-уважительно-снисходительной интонацией молвила: «А вы умный», — и снова погрузилась в чтение. (Она бесподобно умела интонировать, вкладывая массу оттенков в сказанное и написанное.) Я чуть до потолка не подпрыгнул. Когда вернулись в редакцию, Николаев бросил народу в коридоре: «Бехтерева Соснова умным назвала». Этим действительно можно было гордиться, как орденом.

Постепенно у нас сложились неформальные отношения, чему способствовала близость домами по Кронверкской улице. Я удостоился чести бывать у нее (как-то даже по ее телефонному звонку бегал чинить свет), порой она меня наставляла в своей чуть усмешливой манере: «Не всякий вас, как я, поймет. / К беде неопытность ведет» (из письма Онегина Татьяне). Познакомился с ее сыном Святославом, в котором она души не чаяла, талантливым ученым, впоследствии академиком. С дочкой Алиной мы по-соседски приходили к ним на дачу в Комарово, где взяли из ее рук черного котенка, названного Китиком (Наталья Петровна, как сможет убе-

диться читатель, была невероятной кошатницей). Храню подаренную ею книгу «О мозге человека» с автографом «Семейству Сосновых во главе с Китиком с любовью и уважением. Н. Бехтерева. 7.VII.94». Дата не простая – ее юбилейный день рождения.

Книга «О мозге человека» вышла в издательстве «Нотабене» в том же 1994 году, в ней она, в частности, пересказывает и комментирует по моей просьбе четыре своих странных сна, со ссылкой на первую публикацию в газете «Невское время». С главным редактором издательства Львом Захаровым мы задумали другую книгу, в которой Наталья Петровна рассказала бы о своей жизни без утайки, от и до. Она согласилась, и я с энтузиазмом взялся за работу. Хотя в целом ее биография была уже на виду и на слуху, но истина, как и дьявол, в деталях, а в них неотвратимо проступали черты эпохи. Мы сидели на ее кухне, рядом хрустела сухим кормом кошка, не терпелось вывести еще что-то новенькое, но хозяйка разрешала включать диктофон, только напоив меня чаем с «особенными» пирожными, которые ее помощница Раиса Васильевна добывала где-то на Петроградке. Всего состоялось с десяток плюс-минус часовых сеансов, я оперативно делал и показывал Наталье Петровне расшифровки, сохраняя даже наши «технические разговоры», что ее позабавило.

Но случилась беда. Внезапно скончался издатель, мой товарищ Лев Захаров. Без него издательство схлопнулось, этот наш проект с Натальей Петровной завис, появились другие,

в том числе на ТВ. И только сегодня, в канун столетия со дня ее рождения я решил к нему вернуться. Мне кажется, она его благословляет. Признателен Святославу Всеволодовичу Медведеву, взявшему на себя труд прочитать этот очень личный, исповедальный текст, написать к нему послесловие и уточнить содержащиеся в нем научные термины.

Аркадий Соснов

Сбывшиеся сны Нatalьи Петровны

Зазеркалье. Четыре ее странных сна

Наталья Петровна, давайте сначала поговорим о ваших снах, а потом о жизни. Что необычного вам снилось?

Перескажу вам мои четыре странных сна. Они отличаются от всех остальных снов тем, что у меня полное ощущение того, что эти события происходили наяву. Я засыпаю. Затем (мне снится), что я просыпаюсь, вижу какие-то события или участвую в них, снова раздеваюсь, ложусь, засыпаю и просыпаюсь. Просыпаюсь (реально) в очень взвинченном, нервном состоянии, с головной болью в области лба. Все четыре сна относились к событиям, для меня очень значимым.

Сон первый

Сентябрь 1937 года. В дальнем углу коридора нашей квартиры стоит мой отец. Он в старом парусиновом или холщовом летнем костюме (обычно дома и на работе папа был всегда хорошо одет и всегда – соответственно обстановке). Пол

того края коридора, где стоит папа, начинает медленно подниматься. Вниз летят статуэтки – фарфоровые, бронзовые; папа их очень любил. Папа пытается устоять, падает, катится вниз. Между поднимающейся частью коридора и стенами видны языки пламени...

Не помню точно – назавтра или это произошло днем позже, папу арестовали. Через пять месяцев расстреляли.

Сон второй

Лето 1945 года. Меня цепко держит в руках человек, с которым я очень хочу расстаться, держит «взамен» погибшей, как мне сообщили, в первые дни войны безумно любимой им женщины. Мне трудно с этим справиться, я одна, мне двадцать один год. Женщину звали Тася (Таисия?), и на фотографии она очень красива. Я засыпаю, во сне просыпаюсь и иду в дом, где о ней горюют. Вижу Тасю в белом платье, сидящую за чаем. С радостью обращаюсь к ней: «Здравствуйте, Татьяна (почему-то называю ее так), – простите, не знаю вашего отчества». Ответ: «Алексеевна». Здраваясь, не встает. Снова (это все во сне) ложусь спать. Затем (уже наяву) просыпаюсь, бегу сообщить новость о том, что Тася жива, – ни минуты в этом не сомневаюсь, – и застаю Тасю именно в той же позе, в том же белом платье, что и во сне. «Здравствуйте, Татьяна (почему опять Татьяна?), – простите, не знаю вашего отчества». – «Алексеевна». Мыжимаем друг другу руки. Таисия Алексеевна не встает. А дальше я узнаю, что она на

девятом месяце беременности. Убегаю ужасно счастливая.

Сон третий

Июль 1975 года. Мою практически обездвиженную в связи с паркинсонизмом мать отправляю вместе с двумя сопровождающими ее людьми в Краснодарский край. Письма, продиктованные матерью, разные, но постепенно – лучше. Последнее письмо: «Не приезжай, мы скоро приедем, чувствую себя лучше, выхожу сидеть в садик». Сон: просыпаюсь, одеваюсь, звонок в дверь, почтальон приносит телеграмму: «Ваша мама умерла, приезжайте хоронить». Прилетаю в село, вижу множество людей, пришедших на событие деревенского масштаба. «Пропустите, я внучку покойницу хочу показать». Узнаю людей, о которых знаю из писем, называю по имени: «Вы – Мария, вы...» Хороним. Вертится, жужжит в голове давно забытое слово – сельсовет. Просыпаюсь с сильнейшей головной болью, плачу, почти рыдаю, всем кругом рассказываю сон, говорю, что мне надо срочно лететь к маме, она скоро умрет. Муж успокаивает меня, с ним вместе перечитываю спокойное последнее письмо. Аргументы присутствующих против поездки: «Вы же ученый, ну как можно верить снам, да и письмо хорошее, скоро приедут». Даю себя уговорить. Вскоре уезжаю с дачи в город. Одиннадцатого августа получаю телеграмму, иду с ней за очками спокойно – наверное, номер поезда. В телеграмме... и далее всё, как во сне. Сельсовет понадобился для взятия справки о

смерти. В этом селе на мой вопрос о справке соседи просто отвечали: «А зачем тебе? Мать справкой не вернешь. Ну а если нужно – иди в сельсовет, там дадут».

Сон четвертый

Осень 1990 года. 25 сентября внезапно и трагически умер мой муж в связи с самоубийством его сына от первого брака. Я переживаю случившееся бесконечно тяжело, ставлю цветы перед большим портретом мужа (Ивана Ильича), подолгу говорю с ним. О чем? Не знаю. Засыпаю под утро. Во сне просыпаюсь. Иду вниз, к скамейке под окнами квартиры. Перед скамейкой стоит Иван Ильич, на скамейке лежит кipa листов с машинописным текстом, рядом кто-то, кого я не вижу, с ним разговаривает Иван Ильич. Спрашиваю: «Что происходит, о чем разговор?» Он: «Подожди, не мешай сейчас». Идем по лестнице в квартиру. Я зову в комнаты, он идет в кухню, становится у окна. Иван Ильич сердится: «Зачем ты меня здесь похоронила?» Я: «А где надо было?» – «Конечно, на Богословском, там все мои, убрали бы дерево, что тебе стоило! Рубль какой-то лишний!» (Задумчивое Серафимовское кладбище... Всегда захожу в его прелестную деревянную церковку. Привыкла к ее священникам – отцу Василию, отцу Николаю...) «Ну ладно, что ты отдала Жене (сын, оставшийся в живых)?»

Я: «Дачу, “Волгу”». На дачу он машет нетерпеливо рукой, а на «Волгу»: «Молодец, это правильно». Я пытаюсь сказать,

что еще отдано, – нетерпеливый взмах руки: не надо. Я спрашиваю: «Но как же ты пришел? Ты же умер?» – «Да, умер, очень надо было – отпустили». – «А что там, где ты?» – спрашиваю. «Ни-че-го». – «Но из ничего нельзя прийти». – «Узнаешь потом. Ты никогда для меня не имела времени, я тебе был не нужен». – «Как, я же тебя так люблю». Он: «А, я не о том, не было времени, обходилась сама, не просила. Теперь проводи, все поняла?» Проводила, разделась и легла в постель. Проснулась в ужасе, кинулась к портрету: «Скажи, зачем ты приходил?» Сутки промучилась, не могла понять причины прихода. В приход верила безоговорочно. На следующий день (воскресенье) утром – опять к портрету: «Я сейчас лягу, усну, как хочешь – приходи, объясни, я не поняла. Я очень прошу, требую: приходи, объясни». Засыпаю сразу. Снится обычный сон. Пустая трехкомнатная квартира. По ней ходит улыбающийся Иван Ильич. В руках у него листки с машинописным текстом. Обнимает меня ласково: «Ну что ты не поняла? Ты знаешь, рукопись не успел издать, ты не прочла, не было у тебя для меня времени. Постарайся!» И я проснулась.

Прочла рукопись, и после правок специалистов с помощью доброго, умного человека (Константина Абрековича Баршта) удалось издать ее. Хорошая вышла книга.

Все эти сны снились утром или днем. Я их сразу же рассказывала всем, кто был рядом. Комментировать? Нет. Не могу, не знаю. Это просто было в моей жизни. Может быть,

случалось и с другими.

Наталья Петровна, вы описываете незаурядные события. Вопрос в другом: они естественные или сверхъестественные?

Если быть очень честной, имеются два объяснения. Первое – что это пока неизвестно. А второе... Вот так же во сне приходят открытия, решения очень трудных проблем. Человек о чем-то постоянно думает, и это не поддается усмирению защитными механизмами сна, хотя они стараются подавить сверхэмоции, накопившееся напряжение. Защитные процессы даже видны на электроэнцефалограмме как вспышки медленных волн, проходящих по всему мозгу... Случается, однако, что силы, которые защищают человека от сверхпереживаний, не срабатывают. И тогда мозг, свободный от всех раздражителей дня, выводит в сознание то самое важное, очищенное от суеты, что человека волнует сильнее всего.

Звучит убедительно. Но не объясняет тончайших совпадений сна с реальностью, предвидения событий – до подробностей и обстоятельств, которые не могли быть известны заранее или открыться во сне!

Что на это ответить? В жизни у меня еще немало было тяжкого. Но не всегда же я видела такие сны – только четырежды. Будь мне все ясно, я начала бы с теоретического вве-

дения и закончила бы фундаментальными выводами. А то, что я скажу сейчас, намеки на объяснение...

Ну например, первый сон, с отцом. Я училась в школе, но все-таки слышала о том, что происходит в городе. Дети дворников дразнили нас, меня и брата, показывая решетку из пальцев (тех самых дворников, что потом присутствовали при аресте). К нам приходили какие-то люди, о чем-то спрашивали отца, и в том числе – почему он не боится. А он отвечал: потому что ни в чем не виноват. Но мало ли что я слышала. Далеко не все потом отразилось в снах.

Почему-то всплывают детали, о которых совершенно не думаешь. Например, слово «сельсовет», о существовании которого я просто забыла. Может быть, потому, что я знала: маме восемьдесят один год, состояние у нее неважное, – в моих повседневных раздумьях это слово промелькнуло и растворилось. А вот во сне, когда все резче, отчетливей, я очень хорошо его услышала. Или увидела – как хотите.

Сон подсказывает и то, чего вы не могли знать в принципе: как имя и отчество той женщины в 1945 году.

Но если очень жестко придирается к моему рассказу, с позиций очень злого оппонента, – кто-то когда-то при мне мог ее так назвать. Хотя как я ни пыталась вспомнить о «подсказке» – не сумела... Самое интересное, что наяву я не иду по пути сна – как это с мамой было. Разубежденная мужем,

я абсолютно спокойно, с той страшной телеграммой в руках, пошла за очками. И как же странно (это вспомнилось позже) смотрел на меня почтальон.

Нельзя ли объяснить иначе: вам был дан знак свыше – напоминание, предостережение, обещание перемен, а вы недооценили?

Что ж, сегодня, при нашем уровне знаний о человеке, легче всего принять это объяснение. Но где доказательство?

Принять на веру, как вы в книге «О мозге человека» пишете?

Да. Можно мудрствовать, как я пыталась вначале, но вас это не очень устраивает. Меня тоже.

В вашей книге много серьезной, даже трудной для читателя науки. Но целая глава посвящена «странным» явлениям, которых солидные ученые вниманием обычно не удостаивают. Это не только вещие сны. Это специфические впечатления некоторых – не всех – людей, переживших клиническую смерть, и женщин-рожениц, которые моментами глядят на себя как бы со стороны... Судя по названию главы – «Зазеркалье», вам не удалось дать им научного объяснения?

Относя что-либо к «Зазеркалью», нужно быть вполне уверенной в том, что не найдется очень умный человек с очень

земным объяснением происходящего. То, что я всю жизнь – и, вероятно, больше всех – занималась живым мозгом человека, в прямом контакте с ним, в динамике, в процессе мышления, точно и объемно, все равно не гарантирует меня от ошибок. Тем не менее лично для себя убедительной «материалистической» версии этих явлений я пока не вижу.

Изучая мозг, вы не стали воинствующим атеистом?

Я никогда не была атеистом, тем более – воинствующим. А вера в Бога ко мне пришла после всего пережитого. Настоящая вера. Раньше было так: я не могла отрицать то, чего не знаю. У меня было ощущение: может быть, и есть нечто выше нас. Но вот вследствие личной трагедии я оказалась – нет, не без сознания, а в особом, измененном его состоянии. Специалисты знают – это не болезнь; мне было безумно трудно жить, хотя при этом я даже сохраняла работоспособность, писала вполне деловые статьи, выступала с докладами. Мои первые контакты с Церковью едва ли что изменили в этом плане: наверное, я ждала большего, чем получила. И все-таки теперь я понимаю: это было начало пути. Когда же рассказала обо всем настоятелю Софийского собора отцу Геннадию, буквально в течение пятнадцати минут он вывел меня из этого состояния. Впоследствии несколько раз оно возвращалось, и каждый раз он его снимал.

А сейчас не только ворошите прошлое, вопреки на-

ставлениям отца Геннадия, но изучаете измененные состояния сознания в своей лаборатории?

Изучаю именно потому, что по себе знаю: они есть. Книжки пишутся по-разному: иногда это нейтральное изложение. Иногда автором движет глубокий внутренний интерес. Моя работа – как раз такого рода. Пишу еще и потому, что я – служитель науки, со всеми положительными и отрицательными качествами этой службы.

Что же вы хотите постичь в своих исследованиях?

Если хватит отведенного мне времени, хотелось бы понять две вещи. Во-первых, почему «выход души из тела» во время клинической смерти – это такой редкий феномен? Почему этого не видят все, кто «оттуда» возвращается? Что, человек забывает увиденное? Или причиной – более глубокая клиническая смерть?.. Если бы я могла подступить к этому, работая, скажем, в отделении реанимации, то, вероятно, попробовала бы вместе с психологами оценить свойства личностей, вернувшихся «оттуда».

Женщин-рожениц можно исследовать, непрерывно записывая электрокардиограмму и тщательно анализируя, нет ли микромгновений остановки сердца. Потому что понятие времени в таком состоянии трансформируется: достаточно секунд, чтобы увидеть характерный сон или перенестись в другое место, например к себе домой, и запомнить, что там происходит (эти случаи описаны!). Но, может быть, уже в

следующие секунды запечатленная картина забывается.

Во-вторых, надо понять: что, этот феномен связан с живым человеком, лишь клинически мертвым, с его органами чувств, и исчезает при биологической смерти? Или, судя по тому, что говорят болгарка Ванга и американец Андерсон² о контактах с ушедшими, это более длительные явления? Во всяком случае, для меня это – вопрос (кое-что пережила сама), в котором нужно разбираться. Не отстраняясь, не опасаясь негативной реакции кого-то из коллег.

Душа – реальность?

Тому, что оказывается под потолком в операционной, видит слабо освещенный тоннель или летит к родному очагу, – если это действительно «что-то», – я бы не хотела искать другого названия.

² Джордж Андерсон (США), медиум, исследователь паранормальных явлений.

О дедушке, жизни на Греческом проспекте и прозрении в 35 лет

С какого момента вы себя помните? Что первое запечатлелось в памяти?

Не знаю, как эти воспоминания соотносятся друг с другом по времени. Помню себя на пляже, в Сестрорецке или Курорте³. Я насыпаю песок в ухо отцу. При этом приговариваю: «Посыпу, посыпу, песок в ухо насыпу». Папа вскочил разъяренный, хотя был очень добрым человеком и очень меня любил. Я не ожидала такой реакции, считая, что какое-то хорошее дело делаю. Почему этот эпизод и запомнила: из-за полного эмоционального несоответствия процесса и результата. Запомнила встречу с Владимиром Михайловичем Бехтеревым, с дедушкой моим. Он принес мне большую коробку конфет. Каждая конфета была в белой бумажной чашечке – и сейчас так делают. А раньше это была для меня прекрасная незнакомка – коробка шоколадных конфет. Я ее открыла, как зачарованная стояла на коленях перед стулом, на котором эта коробка лежала. И мама мне, конечно, запретила есть шоколад. У мамы была точка зрения, может быть, правильная, что детям шоколад есть не следует. Помню, что

³ Курорт – ж.-д. станция рядом с Сестрорецком.

Владимир Михайлович смеялся по этому поводу (говорят, он не так уж часто смеялся): принес внучке подарочек. А внучке-то как обидно было!

Сколько вам было лет?

Давайте прикинем. Владимир Михайлович умер в двадцать седьмом году, когда мне было три с половиной года. Значит, тогда было около трех.

А на пляже?

Примерно тот же возраст.

Вы его называете Владимир Михайлович. А в детстве звали дедушкой?

Мне так и не пришлось звать его дедушкой. В истории с конфетами я вообще не говорила. Не потому, что не умела, — умела, но растерялась. А когда повзрослела, все время хотелось — не устану повторять, — чтобы люди не думали, будто я прикрываюсь его великой тенью. Поэтому он для меня всегда Владимир Михайлович и мой сын сейчас говорит не прадед, а Владимир Михайлович. А другие родственники гораздо свободнее себя чувствуют с определением родства. Но это уже более позднее понимание, а тогда он был для меня не Владимир Михайлович, а пожилой, приятный человек, близко связанный с нашей семьей. Причем у него есть право сесть во главе стола, где обычно сидел мой отец, что меня

немножко удивило. Потому что места за столом у нас были строго расписаны – разумеется, без табличек, мы знали, кто из членов семьи где сидит. А тут, пожалуйста: приходит человек и папа как должное уступает ему свое почетное место.

Где вы жили в то время?

В центре города, на Греческом проспекте. Если точнее: Греческий, 12, квартира 33 – тот же номер, как здесь у меня на Кронверкской. Жили на первом этаже, довольно высоком, в отдельной четырехкомнатной квартире. Одна из комнат выходила во двор. Папа узнал, что у дворников очень плохо с жильем, что они обитают в тесноте с множеством детей, и совершенно добровольно отрезал от нас эту комнату. У нас стену сделали сплошной, а дворникам, наоборот, прорубили дверь, у них появилась дополнительная комната. И когда начались обыски и аресты, именно дети дворников бегали вокруг нас, складывали пальцы решеткой и кричали: «Ваш отец будет там»; «Вашу золотую мебель (она была просто позолоченная), посуду – всё отберут». Приходя домой, мы с моим братом Андреем спрашивали, правда ли это, и родители нас успокаивали.

Такая была классовая ненависть? Вашу семью считали богатой?

Да. Особенно не могли простить того, что отец отдал комнату. Странно, что доброе дело развязало эту классовую, хо-

тя и на детском уровне, войну.

Как ваша мать отнеслась к тому, что отец отдал комнату?

Не помню ее реакции. Не думаю, что прямо одобрила... В этой комнате жила бонна, немка, которая с очень раннего возраста учила нас немецкому языку. Собственно, учить-то не было необходимости, она почти не владела русским и говорила по-немецки. Соответственно, мы с братом пытались с ней общаться и тоже заговорили по-немецки. Потом бонна ушла от нас, о чем мы с Андреем не сильно жалели.

Вы – Бехтеревы. Был ли в доме культ вашего деда?

Наверное, был. Вот даже по тому, что ему уступили главное место за столом. И по тому, как говорили о Владимире Михайловиче, я чувствовала, что это большая величина. Очень хорошо помню день его смерти. У нас наряжали елку – причем наряжали в глубине комнаты, чтобы, не дай бог, с улицы ее не увидели. На дворе был довольно сложный двадцать седьмой год. И когда папа зажег три свечки над головой игрушечного Деда Мороза, стоявшего под елкой, он позвал маму: «Зиночка, Зиночка, посмотри, как удивительно Дед Мороз похож на отца!» Буквально вскоре, около девяти вечера зазвонил телефон, и сказали, что Владимир Михайлович умер. Впоследствии чего я только не читала о его кончине, сообщалось, что он умер вовсе не двадцать четверто-

го, а двадцать пятого, то есть в Рождество. Запутались, по-моему, даже те, кто сами это знали, не с чужих слов. Но я не могла перепутать, потому что видела и помнила: елку наряжали в сочельник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.